

Чем далее от нас XX век, тем острее ощущение того, что с каждым днём мы знаем о нём всё меньше. Объяснение этому удивительному чувству довольно простое: история XX века, в том числе культуры XX века, не столько исследовалась, сколько творилась. Вследствие тяжелейших идеологических стеснений в государствах, хлебнувших того или иного тоталитарного варева, вследствие смертельных международных противостояний человечество получило многообразную мифологию о себе самом, а теперь занято распутыванием новых проблем в новых обстоятельствах.

И тем не менее добраться до правды прошлого, до его фактов, его реальности совершенно необходимо. И потому обширный труд Леонида Ливака и Андрея Устинова изначально вызывает поддержку и одобрение. Ограничив своё исследование всего семью годами: 1920–1926, от начала великого исхода из обрванной Российской Империи до возникновения в Париже русской культурной колонии со своими заметными результатами, учёные ввели для себя и содержательное ограничение: собрать и описать лишь то, что относится к русскому авангарду. Здесь легко поспорить о точности терминологии (и утверждать невозможность такой точности в

Леонид Ливак, Андрей Устинов. **ЛИТЕРАТУРНЫЙ АВАНГАРД РУССКОГО ПАРИЖА: История. Хронология. Антология. Документы.** М.: ОГИ, 2014. 992 с.

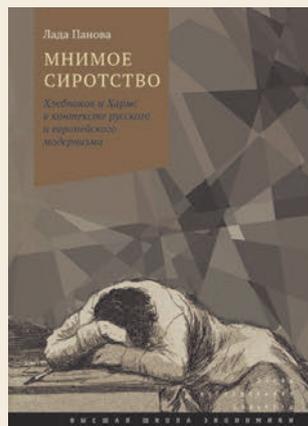
гуманитарной сфере), но то, что теперь мы получили почти стереоскопическую реконструкцию происходившего в Париже 1920-х годов, очевидно. Мы можем читать стихо-творения изгнанников из России, видеть воспроизведения их сборников, афиш, анонсов, временных публикаций, обдумывать их доклады, следить за их спорами, а в итоге сделать вывод, что социально-политические катаклизмы 1917 года тектонически повлияли и на дальнейшее развитие русского авангарда. Те, кто остался на родине, оказались или несовместимыми с так называемой «новой жизнью» и умерли (Ольга Розанова, Велимир Хлебников, Любовь Попова...), или маргинализировались (Кручёных, Василий Каменский...), или потерпели смертельное фиаско в попытках самоуговоров, порой переходящих в прямое приспособленчество (Маяковский, Игорь Терентьев, Мейерхольд...). Зато бежавшие на чужбину попытались обрётённую ими до 1917 года творческую энергию не растратить, а сохранить и даже как-то с нею поделиться со своими новыми соседями. Что получилось и что не могло получиться вне родины, России, наглядно показывает этот выразительный свод художественных сочинений и документов времени.

Монография Лады Пановой – ещё одно свидетельство об идущем сегодня, пусть не так быстро, непредвзятом рассмотрении художественных произведений, манифестов и житнетворческих практик XX века – в настоящем случае первого авангарда, рассмотрении, независимом как от культа авангарда, так и от сложившейся за столетие инерции его восприятия.

Что и говорить, авангард сегодня и конкретно так называемый «первый авангард» то и дело оказываются в координатах моды, что создаёт значительные трудности в установлении его действительного места в сегодняшнем литературном каноне, масштаб его новаторства.

Ученица Михаила Гаспарова, коллега Александра Жолковского Лада Панова приобрела филологическую известность своими трудами о поэзии Осипа Мандельштама и Михаила Кузмина. Теперь она обратилась к многообразию трактовок произведений Велимира Хлебникова и Даниила Хармса. Но их контекстуализация обнаружила у обоих писателей богатейшую доавангардную родословную.

В книге четыре раздела. В первом и третьем рассматриваются писательские практики Хлебникова и Хармса, во втором и четвёртом соответственно – нумерология от Хлебникова до обэриутов и прагматика как искусство.

Лада Панова. **МНИМОЕ СИРОТСТВО: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма.** М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. 608 с. («Исследования культуры»).

Собственно, Лада Панова исходит из идеи, которую с медийной чёткостью выразила несколько лет назад в радиointервью: «Русский авангард называет себя сиротами без роду и без племени. Они как бы пишут из ничего, хотя, как мы знаем из истории литературы, такого просто не бывает». И далее: оказывается, что писатели, «объявляя себя новаторами, рекламируют себя в каком-то нужном им духе, но это совершенно не соответствует действительности».

Культ авангарда был запрограммирован самим авангардом, транслировавшим своей аудитории особые правила восприятия себя и настаивавшем на собственной самобытности. При этом искусственно изолируя и Хлебникова и Хармса от литературы как таковой, традиций...

Таковы исходные посылы, но в итоге подробных разборов, к финалу Хлебников и Хармс в лоно литературы возвращены, убраны с семи ветров авангардизма.

Л. Г. Панова предлагает признать Хлебникова, Хармса, других авангардистов типичными деятелями модернизма, разделяющими со своей эпохой интеллектуальные моды, сюжеты, мотивы, житнетворческие и рекламные стратегии.

Правда, тут же возникают новые вопросы – об определении художественного смысла модернизма и модернизма как такового.